

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИВАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 11.

1-го Іюня

1874 года.

Содержаніе.—Поученія о смерти, частномъ судѣ и спасительныхъ дѣйствіяхъ поминовенія усопшихъ I.—Поученіе II.—Нагорная проповѣдь.—Оригенъ противъ Цельса.—Извѣстіе.—Объявленіе.

ПОУЧЕНІЯ

О СМЕРТИ, ЧАСТНОМЪ СУДѢ И СПАСИТЕЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ПОМИНОВЕНІЯ УСОПШИХЪ.

I.

Истинъ человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти. (Псаломъ LXXXVIII, 49).

Кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти? Родъ переходитъ и родъ приходитъ (Евкл. 1, 4). Одинъ рядъ живыхъ уступаетъ мѣсто другому, другой—третьему и т. д.

Видѣхъ, гов. Екклесіастъ, всѣхъ живущихъ — ходящихъ подъ солнцемъ съ юнымъ вторымъ, иже встанетъ вмѣсто его. Нѣтъ конца всѣмъ людямъ (4, 15). Нѣтъ конца смѣнѣ живыхъ мертвыми, мертвыхъ живыми! Одни нисходятъ въ могилу, другіе на ихъ мѣсто являются въ мірѣ, чтобы также въ свое время почитать въ землѣ. Нѣтъ память первыхъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ ихъ память съ будущими напослѣдокъ (1, 11). И тѣ, и другіе, и третьи, и десятыя — всѣ наследуютъ одно и тоже, всѣ будутъ въ землѣ, ранѣе или позже, теперь илѣ послѣ — всѣ въ свою очередь будутъ забыты, затеряны въ суетѣ оставшихся живыхъ: забвенна память ихъ; и любовь ихъ и ненависть ихъ и рвеніе ихъ уже погнѣе: и части нѣтъ имъ къ тому во вѣки во всякомъ твореніи подъ солнцемъ (9, 5, 6). Такъ было, такъ есть, такъ и будетъ неизмѣнно и неизбѣжно ¹⁾. И какое невообразимое число людей всѣхъ племенъ и народовъ, возрастовъ и половъ, званій и состояній погребено въ землѣ, истлѣло уже, или еще тлѣетъ! Сколько умираетъ въ мірѣ ежедневно и ежеминутно! Въ каждую секунду умираетъ одинъ изъ людей, каждый ударъ часоваго маятника долженъ напомнить намъ, что въ эту секунду умеръ человекъ. Даже въ нашемъ не большомъ кругѣ живыхъ не болѣе какъ въ три — четыре дня не стаеетъ одного или двухъ.

Все это убѣждаетъ насъ неотразимо и непреложно въ той неизбѣжной истинѣ, что скоро или нѣтъ, теперь или послѣ умремъ и мы, что и наши имена будутъ забыты, затеряны въ суетѣ оставшихся живыхъ. Всѣ мы отъ самаго рожденія носимъ въ себѣ сѣмя смерти. Мы *по вся дни умираемъ* ²⁾; каждая часть, каждая минута болѣе и болѣе приближаетъ насъ ко гробу. Ослабѣвающія тѣлесныя силы наши съ каждымъ днемъ напоминаютъ намъ, что вся наша жизнь есть постепенное и непрерывное умираніе. Пища, сонъ, трудъ и отдыхъ, повидимому, удаляютъ смерть, а она между тѣмъ съ минуты на минуту приближается къ намъ. И какъ бы кто ни боялся смерти, сколько бы ни ста-

1) Изъ сл. въ суб. 7-й нед. по Пас. Архим. Антонина.

2) 1 корин. XV, 31.

рада удалить отъ себя мысль о ней и избѣгать напоминанія о ней, она придетъ сама собою, нежданная и нежеланная. Придетъ время, когда надъ каждымъ пропоютъ погребальныя пѣсни церковныя, когда соберутся вокругъ бездыханнаго тѣла его родные и ближніе, чтобы отдать ему послѣднее цѣлованіе и проводить въ общее мѣсто упокоенія. *Нѣсть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти*; ибо таковъ судъ Божій согрѣшившему прародителю и съ нимъ *судъ всякой плоти*³⁾: *земля еси, и въ землю отыдеши*⁴⁾.

Смерть — какое великое бѣдствіе изъ всѣхъ бѣдъ и скорбей, постигающихъ родъ человѣчскій! Нѣсколько тысячелѣтій смерть царствуетъ на землѣ, беретъ свои жертвы ежеминутно, въ виду всѣхъ изъ среды всѣхъ, и никто однако не можетъ привыкнуть къ ней, никто не можетъ безъ страха и трепета смотрѣть на ея владычество и силу. Какая безутѣшная скорбь, какія надрывающія сердце плачъ и рыданія повторяются въ каждомъ домѣ и семействѣ, когда является тамъ смерть и живое, подобное намъ существо превращаетъ въ безчувственный и бездыханный трупъ, еще на нашихъ глазахъ начинающій предаваться тлѣнію!.. Словомъ, сколько слезъ, вздоховъ, жалобъ, стenanій, моленій и упрековъ вызываетъ смерть! Сколько рождается въ умѣ печальныхъ и тяжелыхъ думъ, какая грусть и тоска ложится на сердце, какой холодъ обдаетъ всю душу при одномъ живомъ воспоминаніи и представленіи смерти! И какъ тогда въ особенности горька бываетъ память смерти⁵⁾, когда приходитъ намъ на умъ смерть собственная! Въ самомъ дѣлѣ, жить и любить жизнь, наслаждаться ею, беречь и заботиться о ней, ради ея переносить столько трудовъ, безпокойствъ и лишений, имѣть въ жизни радости, привязанности, — и рано или поздно, умереть, лишиться этой жизни, разомъ порвать всѣ живыя связи съ нею, — какъ это тяжело и ужасно!.. Жить, дѣйствовать и чувствовать не душою только, но вмѣстѣ и тѣломъ,

3) Сирах. ХLI, 5.

4) Быт. III, 19.

5) Сирах. ХLI, 1.

которое мы на себя носимъ, которое считаемъ вещественнымъ изображеніемъ невещественной мысли Творца, которымъ восхищаемся, предъ которымъ изумляемъ, какъ предъ нерукотворенной храминой нетлѣннаго духа и предъ которымъ благоговѣемъ, какъ предъ храмомъ Духа Святаго, — и — въ свое время, эту часть существа своего въ нѣсколько минутъ стать безчувственнымъ и бездыханнымъ трупомъ, потомъ превратиться въ прахъ и тлѣніе, въ ужасающее безобразіе, нестерпимое для зора, ужасное для ума!.. „О, что за жребій, грозный и жалостный, неотвратимый и неумолимый тяготѣетъ надъ тобою, бѣдный и всебѣдственный составъ тѣлесный! Какъ не плакать, и какъ не рыдать воплемъ смертнымъ надъ симъ послѣднимъ уничтоженіемъ человѣческой природы? Посмотрите на чей угодно гробъ и отыщите тамъ его, мнимаго царя земли, предъ волею котораго смиренно преклоняются стихіи міра великія и страшныя. Загляните въ чью угодно могилу, въ эту малую, но безъ дна зіяющую, поглощающую такъ чудно составленную жизнь, и скажите, это ли совершеннѣйшее изъ созданій Божиихъ, украшающихъ землю, отличное, какъ намъ чается, печатію Несозданной Красоты? Гдѣ тутъ все, чѣмъ мы столько дорожимъ, хвалимся и плѣняемся нерѣдко до потери разума? Гдѣ доброта тѣлесная? Гдѣ юность? Гдѣ суть очеса и зракъ плотскій? Вся увядоша, яко трава, вся потребишася! Уста упразднишася, языкъ преста и устны преняшася и познъ слепотѣхъ, зракъ измѣнися, очи угасостъ... О, кто дастъ мавъ моея воду, и очестъ мѣ моима источника слезъ, и плачуся день и ночь (Иерем. 9, 1) надъ симъ страшнымъ обезображеніемъ, по образу Божию созданной, нашей красоты“ (?.. 6).

Итакъ, — смерть всеобща и неизбѣжна; смерть страшна, какъ наказаніе Божіе, какъ оброкъ грѣха, какъ разрывъ души съ тѣломъ. — Но такъ ли она страшна теперь, какъ была прежде, до пришествія на землю Спасителя міра? Умереть тогда значило умереть вѣчно, и душою, и тѣломъ, — тѣломъ превратиться въ прахъ и тлѣніе, душою сойти въ узы ада, во власть че-

6) Тоже сл. Ар. Ант.

ловѣкоубійцы діавола, на вѣчныя мученія. Христось Спасителъ крестною смертію и воскресеніемъ своимъ разрушилъ власть діавола и избавилъ насъ отъ смерти, обративъ ее въ средство для нашего прославленія и блаженства. Мы умремъ, тѣла наши истлѣютъ, но въ послѣдній день міра, силою всемогущества Божія, всѣ мы снова воскреснемъ и облечемся въ тѣла нетлѣнныя и безболѣзненныя, безсмертныя и духовныя, для будущей, вѣчной и блаженной жизни, въ свѣтѣ лица Божія, въ мірѣ ангеловъ и всѣхъ святыхъ, гдѣ не будетъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія.

Что можно вообразить лучше и блаженнѣе состоянія, въ которомъ не извѣстны ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханія но одна жизнь, и жизнь безконечная? И сіе—то невообразимо радостное состояніе ждетъ всякаго истиннаго христіанина. *Если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. Всѣ умершіе во Христѣ Іисусѣ вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ, восхищены будутъ на облакахъ на воздухъ, въ срѣщеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будутъ ⁷⁾*, гов. св. Апостолъ.— Такъ ли, послѣ этого, должна быть страшна для насъ смерть, какъ она обыкновенно представляется намъ? Слѣдуетъ ли чрезъ мѣру бояться ее, разумно ли неутѣшно плакать и предаваться отчаянію при видѣ жертвъ ея? Не разумно, не по христіански это! Не какъ *неимущіе упованія*, но какъ получившіе обѣтованіе вѣчной и блаженной жизни, мы не должны тяготиться жизнью, какъ бы ни была она прискорбна и не должны такъ привязываться къ ней, чтобы страшиться неизбежнаго часа смерти, помня, что *живемъ ли мы, для Господа живемъ, умираемъ ли, для Господа умираемъ ⁸⁾*, какъ гов. Апостолъ. Правда, *горька* по слову Премудраго, *память смерти*; но такова она должна быть только для *безпечно и мирно живущихъ въ мѣстинѣхъ своихъ ⁹⁾*, съ которыми они не хотѣли бы когда

7) 1 Тессал. IV, 14, 17.

8) Римл. XIV, 8.

9) Сирах. XXI, 1.

.81 17 годъ (01)
С. 1 III годъ (11)
11 III годъ (51)
С. 1 годъ (51)
2-й 71 годъ (61)

нибудь разстаться, но, напротивъ, желали бы устроиться на землѣ какъ можно счастливѣе и покойнѣе и остаться жить на ней вѣчно; горька память смерти для вѣхъ грѣшниковъ, безпечныхъ, нерадивыхъ о спасеніи своемъ.—для нихъ—то не только горька память о смерти, но люта бываетъ и самая смерть.

Не таково воспоминаніе о смерти для людей считающихъ себя *странниками и пришельцами на землѣ* ¹⁰⁾, для которыхъ земная жизнь есть путь въ небесное отечество, урочное время для приготовленія себя къ будущей жизни,—для людей не столько занятыхъ предметами земными, сколько *высшаго ищущихъ, о горнемъ помышляющихъ* ¹¹⁾, и усердно заботящихся о вѣчной участи своей. Эти—то странники и пришельцы, *не имѣющіе здѣсь постоянного града, но ищущіе будущаго* ¹²⁾, не только не боялись смерти, но даже усердно желали ея, въ мирѣ и спокойствіи совѣсти встрѣчали ее, какъ предѣлъ долгаго и утомительнаго странствованія, какъ окончаніе всѣхъ трудовъ и скорбей, подъятыхъ ими ради Бога и ради своего спасенія. Такъ св. апост. Павелъ говоритъ о себѣ: *имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ* ¹³⁾. И когда приблизилось время мученической кончины его, онъ, въ сознаніи святопроданной жизни и увѣренности въ небесной награды, съ полнымъ спокойствіемъ духа писалъ изъ римской темницы возлюбленному ученику своему Тимоѣю: „меня уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія настало. Подвигомъ добрымъ я подвижался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія“ ¹⁴⁾.

И какъ для истинныхъ христіанъ спокойно бываетъ срѣте-

10) Евр. XI, 13.

11) Колос. III, 1, 2.

12) Евр. XIII, 14.

13) Филип. I, 23.

14) 2 Тим. IV, 6—8.

не смерти, такъ же блаженна и самая кончина ихъ; умереть для нихъ значить какъ бы спокойно заснуть послѣ утомительныхъ трудовъ. Многія повѣствованія и житія святыхъ представляютъ множество примѣровъ мирной, трогательно умиленной кончины праведныхъ, чуждой всякихъ ужасовъ и страданій, полной невозмутимаго спокойствія, мира и блаженства души. Такая кончина праведныхъ по справедливости называется на языкѣ церковно-славянскомъ *успеніемъ*.

Итакъ, утѣшайте другъ друга, говоритъ св. Апостоль, — утѣшайте тѣмъ, что Богъ опредѣлилъ насъ не на гнѣвъ, но къ полученію спасенія чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, умершаго за насъ ¹⁵⁾. Но грѣхи, но судъ, но адъ? Какъ съ этимъ быть?—говоритъ трепетная совѣсть. Грѣховъ нѣтъ у того, кто принесъ чистосердечное раскаяніе, и благодатію Божіею оправданъ, очищенъ отъ нихъ въ таинствѣ покаянія. Судъ не страшенъ тому, кто проводилъ земную жизнь не въ безпечности и нерадѣніи, но въ трудахъ и подвигахъ для своего спасенія, въ совершеніи дѣлъ любви и милосердія. Адъ ничего не значить для того, кто умираетъ съ вѣрою въ Побѣдителя ада и смерти, съ надеждою на милосердіе Искушителя, заслугами своими покрывающаго грѣхи немощи нашей.

Не бойся же, христіанинъ, суда смерти: помани первая твоя и послѣдняя твоя ¹⁶⁾. Помани, что ты не былъ, и будешь существовать вѣчно, что ты взятъ отъ земли, и будешь блаженствовать съ Богомъ. Вѣрь, что мы, христіане, *живемъ ли, для Господа живемъ, умираемъ ли, для Господа умираемъ*. Не бойся суда смерти, и поэтому не отдаляй отъ себя безразсудно мысль о ней, какъ дѣлаютъ иные, чтобы безпечно предаваться грѣховнымъ удовольствіямъ. Это значить обманывать себя къ своей гибели, —идти въ пропасть съ закрытыми глазами. Напротивъ, какъ можно чаще думай о смерти и старайся всегда быть готовымъ къ ней, т. е. живи такъ, какъ пред-

15) 1 Фессал. IV. 18. У, 9, 10.

писываетъ законъ Божій, дѣлай то, что внушаетъ тебѣ совѣсть, чего требуютъ отъ тебя обязанности твои. И если при концѣ дней твоихъ совѣсть не станетъ упрекать тебя въ противныхъ закону Божию дѣствіяхъ, если ты будешь сознавать, что не напрасно жилъ на землѣ, но по мѣрѣ силъ своихъ трудился для своего спасенія, для славы Господа и блага ближнихъ; то ты избавишься отъ мучительнаго страха смерти, избѣжишь всѣхъ ея ужасовъ и мученій, и съ надеждою на праведнаго Судію и съ упованіемъ на милосердіе Искупителя, спокойно и радостно предашь духъ свой въ руки Господа. Аминь.

С. В. Вышневскій.

ПОУЧЕНІЕ

II

Поминай послѣднія твоа, и во оныя не согрѣшиши. (Сирах. VII, 39.)

Всѣ мы умремъ. Всѣ мы это знаемъ; но едва ли о чемъ меньше думаемъ и воспоминаемъ, какъ о смерти. Мысль о ней является у насъ только въ особенныхъ, рѣдкихъ случаяхъ, и то только на время и часто не оставляя никакого слѣда ни въ умѣ, ни въ сердцѣ. Начиная какое либо дѣло, иногда вовсе маловажное, мы обыкновенно соображаемъ, думаемъ о его концѣ и послѣдствіяхъ. Напротивъ, о самомъ важномъ, многозначущемъ концѣ, о концѣ и послѣдствіяхъ не одного какого либо дѣла, а цѣлой жизни своей мы вовсе не привыкли думать и размышлять. Потому смерть постигаетъ многихъ врасплохъ, совершенно неприготовленныхъ, и потому то она бываетъ для нихъ страшна и ужасна. Мысль о смерти является у многихъ обыкновенно только въ старости, когда уже мало остается и времени и силъ готовиться къ ней; въ молодости же, въ лѣта зрѣлости мысль о смерти приходитъ на умъ только во время болѣзней, или при видѣ смерти ближнихъ, и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ обыкновенно всякій старается какъ можно

скорѣе отогнать ее отъ себя и заняться другими мыслями, забыться и успокоиться въ ежедневной суетѣ.

Если посмотрѣть со стороны на жизнь и дѣла многихъ изъ насъ, то нельзя не заключить, что мы не только недумаемъ о смерти, мы какъ будто даже убеждены въ томъ, что смерти вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая замѣчается повсюду привязанность къ жизни, какое пристрастіе, какая неустанная и неослабная суета о земномъ, временномъ, скоропреходящемъ, недающія и времени остановиться и подумать о томъ—будетъ ли когда всему этому конецъ?! Сколько мы каждодневно видимъ вокругъ себя гордости, злобы, ненависти, неправды, обиды, притѣсненій, какъ будто исключаящихъ всякую мысль о томъ, что будетъ время, когда придетъ смерть и настанетъ судъ, на которомъ будутъ судиться, со всею правдою и строгостію, не только дѣла наши, но всѣ слова, мысли, желанія и намѣренія!..

Но подумаемъ, разумно ли не думать и не готовиться къ тому, что неминуемо, неизбежно должно быть и непременно будетъ? Можно ли жить и не думать о смерти, которая незамѣтно, но постоянно, каждый день и часъ все ближе и ближе подходитъ къ намъ? Мы успокоиваемъ себя, удаляемъ отъ себя мысль о смерти тѣмъ предположеніемъ, что, можетъ быть, проживемъ еще долго, что смерть еще далеко. Но посмотримъ назадъ: гдѣ тѣ годы, которые уже прожиты нами?—не мало годовъ прожито, но они—какъ сонъ, какъ паръ! Быстро прошли они, и только легкое, нѣжное воспоминаніе есталось въ нашей душѣ. Думать ли, что будущіе годы будутъ для насъ продолжительнѣе. Время представляется намъ длиннымъ, когда оно еще вдали отъ насъ; но когда мы проживаемъ его, — оно течетъ быстро, неудержимо. Итакъ, долгое по нашему мнѣнію время, которое мы надѣемся прожить, на самомъ дѣлѣ очень коротко, и мы такъ скоро, такъ неожиданно можемъ приблизиться къ смерти, какъ не думаемъ и не воображаемъ. Притомъ, можно ли забыть то, что смерть можетъ постигнуть каждого изъ насъ совершенно неожиданно, каждый день и часъ? Не станемъ

говорить о случаяхъ смерти скоропостижной, когда жизнь прекращается въ нѣсколько минутъ. Достаточно вспомнить явленія обыкновенной жизни: не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь не былъ застигнутъ смертію неожиданно: очень многіе видятъ приближеніе ея именно тогда, когда представляли ее еще далеко, далеко. Такъ, быть можетъ, умерли многіе ваши друзья, знакомые, родные и всё вы удивлялись неожиданности ихъ смерти. Но если другіе, и притомъ столь многіе, умерли тогда, когда еще не думали умереть: то кто же поручится, что эта судьба не постигнетъ насъ самихъ? Если другіе погибли: то зачѣмъ же намъ, съ закрытыми глазами, стремиться къ такой же гибели? Поставьте себя въ какое угодно положеніе, и вы найдете, что каждая минута можетъ быть для васъ послѣднею. Нѣтъ болѣзни, которая не могла бы положить конецъ вашимъ днямъ; и вы можете видѣть, какъ часто самыя легкія немоци неожиданно оканчиваются смертію. Самое крѣпкое здоровье и сильное тѣлосложеніе никогда и никого не могутъ предохранить отъ скорой, неожиданной смерти. Здоровье самое лучшее—свѣча, которую можно задуть мгновенно; довольно одного дня болѣзни, и мы часто не узнаемъ того, кому завидовали въ силѣ и крѣпости.—Какъ же, послѣ этого, не думать о смерти, которая каждодневно ходитъ около насъ и похищаетъ изъ среды насъ то того, то другаго, часто совершенно неожиданно, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ силѣ здоровья. Какъ не думать о смерти, когда рано, или поздно умремъ и мы сами, какъ умерли и умираютъ наши ближніе, родные и знакомые? Мы не избѣжимъ смерти, какъ ни страшна она для насъ, какъ ни горька память о ней: не лучше ли поѣтому думать о смерти, чтобы привыкнуть къ мысли о ней, чтобы приготовиться безъ страха и трепета встрѣтить ее? *Поминай послѣдняя твоя; помини истинныя и смерть* ¹⁾, учить богопросвѣщенный наставникъ нашъ.

Если же вѣмъ намъ рано, или поздно необходимо умереть; то къ чему такая чрезмѣрная привязанность къ земной жизни, къ чему такое безпокойство, такая суета о довольствѣ, удоб-

1) Сирах. XXVШ, 6.

ствахъ и выгодахъ временнаго, матеріальнаго благосостоянія, которыя видны вездѣ и повсюду? Всѣ заняты одною житейской опытностью, умѣемъ жить и наживать. Существуютъ училища, заведенія, общества, цѣль которыхъ состоитъ въ изученіи и изысканіи средствъ и способовъ къ тому, какъ легче обезпечить, какъ лучше и удобнѣе устроить и обставить настоящую жизнь. Многіе вещи и предметы, нужные для житейскаго употребленія, даже вовсе не необходимые, служащіе только для прихотей и роскоши, изготовляются въ совершенствѣ и изяществѣ, съ особеннымъ прилежаніемъ и стараніемъ, достойными лучшаго дѣла. Думаютъ и разсуждаютъ, пишутъ и читаютъ преимущественно о пользѣ, удобствахъ, спокойствіи и наслажденіи. Это — самый обыкновенный и приличный предметъ для всѣхъ разсужденій, самая насущная потребность и главная задача настоящаго вѣка. Болѣе высшія, духовныя стремленія обличаютъ во многихъ туже суету и пустоту: ищутъ обыкновенно почета, вліянія, власти, силы, славы и проч. Слѣдов. все какъ бы сводится къ тому, чтобы лучше устроиться и остаться жить на землѣ вѣчно. Истинныя, чисто духовныя желанія и потребности души, свойственныя людямъ заботящимся о будущей жизни и о своей вѣчной участи, весьма многими совершенно забыты, какъ дѣло второстепенное, или вовсе ненужное, несовмѣстимое съ порядкомъ настоящей жизни. О предметахъ духовныхъ, душеспасительныхъ такъ мало думаютъ, какъ рѣдко говорятъ. О нихъ можно услышать только въ церкви и училищахъ, прочитатъ въ книгахъ духовно-нравственнаго содержанія. Къ чему же все это должно привести, чѣмъ кончиться? Какъ бы ни была счастлива и покойна настоящая жизнь, для всѣхъ она должна кончиться смертію; и тогда всѣ приобрѣтенія и изобрѣтенія, доставляющія столько удовольствій и наслажденій человѣку, для которыхъ онъ трудился всю жизнь свою, останутся здѣсь, какъ уже ни къ чему не нужныя, совершенно излишнія. „Братья и сродники наши, гов. святитель Тихонъ, отошли отъ міра сего и на оный вѣкъ пошли: и мы туда пойдемъ. Оставили они міръ: оставимъ и мы. Оставили они утѣхи своя: оставимъ и мы. Оставили они сродниковъ и друзей своихъ: оставимъ и мы. Оставили они дома и весь

дорогой уборъ свой: оставимъ и мы. Оставили они золото и серебро и все богатство свое: оставимъ и мы. Оставили они саны свои, титулы, имена и всю славу свою: оставимъ и мы. Оставили они всѣ радости свои: оставимъ и мы; словомъ: все они оставили: и мы оставимъ все. Ничего они съ собою не вынесли: не вынесемъ и мы ничего. Наги они отошли отъ міра сего: наги отыдемъ и мы. Почтожь много труждаемся и собираемъ“? ²⁾ Къ чему жъ столько хлопотъ, трудовъ и безпокойствъ о скоропреходящихъ благахъ, минутныхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ? Стоять ли они того, чтобы ради ихъ забывать и пренебрегать истинными благами души—ея спасеніемъ и вѣчнымъ блаженствомъ? Стоитъ ли настоящая жизнь той цѣны, каковую мы ей приписываемъ? Благоразумно ли столько дорожить ею, такъ привязываться къ ней, чтобы изъ-за нея забывать вѣчность? *Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а души своей повредитъ?* ³⁾—говоритъ Господь. *Подлинно совершенная суета всякій человекъ живущій. Подлинно человекъ ходитъ подобно призраку; напрасно онъ суетится, собираетъ и не знаетъ, кому достанется то* ⁴⁾, говоритъ пророкъ.

Если бы все кончалось для насъ настоящею жизнью, и тогда стоило ли бы такъ привязываться къ ней и дорожить ея удовольствіями? Всѣ знаютъ, какъ мало удовлетворяютъ человека различныя блага и удовольствія, какъ они скоро наскучиваютъ, какъ они непрочны и скоропреходящи. Всѣ знаютъ также, что не всѣмъ достаются въ удѣлъ эти блага, не всѣ получаютъ то, чего желаютъ, къ чему стремятся. Не напрасно ли, не бесполезно ли, потому, человекъ суетится? Не лучше ли, не благоразумнѣе ли трудиться вмѣру, быть довольными и благоразумно пользоваться тѣмъ, что даруетъ намъ Господь по благодати своей?...

2) Сопр. духов. стр. 47, 48.

3) Мате. XVI, 26.

4) Псал. XXXVIII, 6, 7.

Не все, однако, кончается настоящею жизнью. Мы вѣруемъ, что, послѣ смерти и всеобщаго воскресенія мертвыхъ, будетъ страшный судъ, настанетъ вѣчная жизнь, для праведниковъ блаженная, для грѣшниковъ мучительная. Благоразумно ли, послѣ этого, проводить безпечную и безстрашную жизнь, неудержимо предаваться всѣмъ грѣховнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, за которыя придется въ свое время отдать строгій отвѣтъ Судии нелицепріятному? Можно ли такъ привыкаться къ земной жизни, такъ любить ее, чтобы изъ-за нея забывать жизнь вѣчную? Страшно умереть, жалко разстаться съ землею жизнью; но какъ страшно умереть вѣчно, т. е. быть осужденнымъ на вѣчныя муки, какъ ужасно лишиться вѣчной, блаженной жизни?! По этому-то полезно, необходимо и душе-спасительно всегда памятовать о смерти и о томъ, что будетъ послѣ ея. *Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши; помни истинныя и смерть, и пребывай въ заповѣдяхъ, учить премудрый.* Память о смерти, судѣ, вѣчномъ блаженствѣ и нескончаемыхъ мукахъ ада должна указать намъ иное значеніе настоящей жизни, другія дѣла и занятія. Если мы на землѣ *странники и пришельцы* ⁵⁾, живемъ здѣсь какъ на чужой сторонѣ, до тѣхъ поръ, пока Господь потребуетъ къ себѣ на судъ, нашу душу, если истинное отечество наше *на небесахъ* ⁶⁾; то мы должны заботиться не столько, о настоящей скоротечной жизни, сколько о жизни будущей, нескончаемой, — ея желать, ее любить, къ ней стремиться всѣми силами души, всѣми помышленіями ума; должны заботиться и трудиться не для тѣла только, не для того, что нужно на время, что можетъ послужить къ минутному удовольствію и къ вѣчному осужденію, а для того, что будетъ имѣть вѣчную пользу, что пойдетъ въ слѣдъ души и будетъ служить къ ея оправданію предъ Богомъ, къ ея вѣчному блаженству. Словомъ, о томъ постоянно должны думать и всеусиленно заботиться, чтобы, съ окончаніемъ жизни временной, не лишиться вѣчной, чтобы, послѣ смерти временной, не быть осужденными на вѣчную; чтобы

5) Евр. XI, 13.

6) Филип. III, 20.

избѣгать грѣховъ, и болѣе и болѣе преуспѣвать въ добродѣтели, дабы сподобиться въ будущемъ вѣкѣ милости Божіей и царства небеснаго, и избавиться гнѣва праведнаго Судіи и муки преисподней.

Таково, братіе, значеніе памятованія смерти. Такъ оно должно быть для насъ необходимо, полезно и душеспасительно. Потому-то премудрый наставникъ нашъ говоритъ намъ въ наученіе наше: *поминай послѣдняя твоя; помяни истинніе и смерть*. Потому-то и св. Церковь научаетъ каждаго изъ насъ взывать къ Господу: *Господи, даждь ми память смертную* 7)! —научаетъ всегда памятовать о смерти, каждый день считать послѣднимъ, когда въ молитвахъ на сонъ грядущимъ влагааетъ въ уста наши слова: *се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ* 8).

Будемъ же покорны и послушны ея спасительному попеченію о насъ, чтобы не погрузиться намъ въ суету житейскую до samozабвенія, до совершеннаго нерадѣнія о вѣчной участи своей; станемъ безпрестанно содержать въ памяти конецъ сей суетной и многмятежной жизни, въ надеждѣ наслажденія лучшею жизнію въ дому Отца нашего Небеснаго. Аминь.

С. В. Вышневецкій.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Продолженіе).

Признавая законъ и пророковъ и вообще весь ветхоз. порядокъ непремѣнно обязательнымъ и строго выполняя оный, Господь является так. обр. не нарушителемъ, а исполнителемъ его. Отношеніе Господа къ в. завѣту, равно какъ отношеніе в. и н. зав. между собою, наглядно и очень удачно представляетъ Ольсгаузенъ въ образѣ зданія, фундаментъ котораго шатокъ, но которое можетъ

7) 6-я молит. на сонъ гряд.

8) Мол. св. Иоан. Дамас.

быть окончено на немъ. В. завѣтъ есть фундаментъ, на которомъ должно быть построено зданіе н. завѣта въ законченномъ видѣ. В. завѣтъ представляетъ поэтому эскизъ ²³⁴); новый—исполненіе или совершеніе его. В. и Н. завѣтъ находятся въ такой же органической связи между собою какъ зародышъ и цвѣтъ. Характеръ закона прообразовательный; онъ исполнился во Христвъ, какъ представитель осконанной имъ высшей жизни общества ²³⁵). Законъ и пророки исполняются и въ настоящее время въ обществѣ вѣрующихъ, потому что духъ Христовъ живетъ въ немъ и донинѣ. Господь первый раскрываетъ и исполняетъ оставшіяся неисполненными въ в. Завѣтъ нравственный законъ, продолжая исполнять его и въ своихъ вѣрующихъ, какъ членахъ Его. Онъ первый исполнилъ и обрядовый законъ, бывший въ в. завѣтъ образомъ, а не вещью, принеши себя въ жертву Богу Отцу. Жертва эта приносится и теперь въ церкви Христовой, которая также представляетъ себя въ жертву благоугодную Богу. Обрядовый законъ сохранилъ по этому силу и по отмѣненіи его. Онъ исполняется и въ новоз. церкви, только исполняется духовнымъ образомъ, потому что и ветхоз. обряды, служившіе образомъ будущаго, имѣли духовное наченіе. Согласно съ этимъ объясняютъ исполненіе закона и Златоустъ:» Во первыхъ Господь ни въ чемъ не преступилъ закона; говоритъ онъ. Чтобы увѣриться въ исполненіи Имъ всего закона; послушай, что онъ говоритъ Іоанну: *такое подобаетъ намъ исполнить всяку правду*, что говоритъ іудеямъ: *кто отъ васъ обличитъ Мя огрѣсь* ²³⁶)? что ученикамъ своимъ: *рядетъ бо сего мѣра князь, и во мнѣ не имать ничего* ²³⁷) и что сказалъ о Немъ еще прежде пророкъ: *яко грѣха не сотвори* ²³⁸). Итакъ во первыхъ Онъ исполнилъ законъ симъ образомъ, а во вторыхъ Онъ совершаетъ это чрезъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ достойно удивленія, что Онъ не только самъ исполнилъ законъ, но и намъ даровалъ это, о чемъ ясно сказалъ ап. Павелъ, что *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* ²³⁹) и что *Онъ осудилъ грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не поплоти ходящихъ* ²⁴⁰), и въ другомъ мѣствъ: *законъ ли раззоряемъ въ рою?*

234) Рим. 2, 20. Въ посл. къ Гал. 2, 18. ап. Павелъ понимаетъ отношеніе в. завѣта къ новому въ такомъ же смыслѣ. Другой взглядъ на это онъ представляетъ въ посл. къ Ефес. 2, 15.

235) Мат. 3, 15,

236) Іоан. 8, 46

237) Іоан. 14, 30.

238) Ис. 53, 9.

239) Рим. 10, 14.

240) Рим. 8, 3.

да не будет; но законъ утверждаемъ ²⁴¹⁾). Ибо какъ цѣль закона состояла въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ, чего однакожь не могъ онъ сдѣлать; то сему назначенію закона удовлетворилъ самъ Господь, нисшедъ на землю и установивъ образъ оправданія чрезъ вѣру, и чего законъ не могъ сдѣлать посредствомъ буквъ, то самъ Христосъ совершилъ чрезъ вѣру, почему и говорить: не придохъ разорити законъ ²⁴²⁾).

Ненарушимость закона Господь доказываетъ природою самаго закона.

Аминь ²⁴³⁾ говорю вамъ, продолжаетъ Онъ, скорѣе пройдетъ небо и земли, нежели пройдетъ одна іота ²⁴⁴⁾, или одна черта изъ закона, такъ чтобы не исполнилось все ²⁴⁵⁾.

Слово Божіе, по свидѣтельству пр. Исаи ²⁴⁶⁾ и ап. Петра ²⁴⁷⁾ пребываетъ во вѣкъ; оно непреходяще и потому состав-

241) Рим. 3, 31,

242) Злат. Тамже. 308—309.

243) Ἀμήν, евр. amen значитъ истинно, ἀληθώς. Выраженіе это Господь употребляетъ для того, чтобы возбудить вниманіе слушателей къ тѣмъ мыслямъ, которыя Онъ сообщалъ имъ, и придать этимъ мыслямъ большую важность. У Иоанна оно вездѣ употребляется въ удвоенномъ видѣ. 8, 51. 10, 1. 12, 24. 13, 16. 20, 18.

244) Нѣтъ означаетъ самую малую букву евр. алфавита, похожую на нашу запятую? *Κεραία* въ евр. письмѣ означаетъ собственно черту, посредствомъ которой отличаются сходныя буквы одна отъ другой, напр. даетъ отъ рошъ, потому что при перестановкѣ этихъ буквъ одно и тоже слово можетъ давать различныя понятія. Напр. если въ словѣ *eschad* послѣднюю букву дадутъ замѣнить буквою рошъ, переѣмивъ гласную камень въ cere, а сеголь въ патахъ т. е. *eschad* въ *ascher*; то понятіе кетивнаго Бога перейдетъ въ понятіе идоловъ. Выраженіе Господа *ἡ τὴν ἐν ἡμῶν κεραία* показываетъ что самыя, повидимому, мелчайшія, незначительныя предписанія закона важны и должны быть строго выполняемы.

245) Мат. 5, 18. Выраженіе *ἕως ἄν παρέλθῃ* Кальвинъ, Лютеръ и Цвингли понимаютъ въ смыслѣ *никогда*, на томъ основаніи, что небо и земля представляются у Варуха 3, 32 вѣчно существующими (см. Лук. 16 17). Павлюсъ и Толюкъ—въ смыслѣ *до конца міра*; законъ останется до новаго порядка вещей, потому что по н. завѣту небо и земля перейдутъ. По Ланге, скорѣе пройдетъ древній символическій образъ міра, чѣмъ древній символическій законъ, потому что периферія тѣла умираютъ скорѣе чѣмъ центръ, сердце. Истинный взглядъ на дѣло мы представимъ ниже, разбирая ст. 18.

246) Ис. 40, 6—8.

247) Петр. 1, 25.

ляетъ прямой контрастъ небу и земли т. е. всему сотворенному²⁴⁸⁾. И тогда какъ небо и земля дѣйствительно преидуть, по непре-ложному слову Божию²⁴⁹⁾, слова закона и пророковъ, какъ слова самаго Бога, никогда не преидуть; самое повидимому несущественное въ нихъ останется и самая малѣйшая черта ихъ непремѣнно исполнится. Скорѣе небо и земля преидуть, нежели пропадетъ одна черта изъ закона²⁵⁰⁾. Характеръ в. завѣта, какъ мы уже замѣтили, прообразовательный; онъ отмѣнился, послѣ того какъ воплѣ исполнилось прообразуемое. Законъ былъ тѣню будущаго²⁵¹⁾; съ явленіемъ самаго тѣла тѣнь утратила свое значеніе; но вмѣстѣ съ этимъ исполнилось то, на что указывала она. Законъ имѣетъ по этому двѣ стороны: отрицательную и положительную. Отрицательная—это паденіе ветхаго образа міра, положительная—это духовное осуществленіе его въ новомъ образѣ міра.

Показавъ непремѣняемость закона, Господь объявляетъ непреложное наказаніе нарушителямъ заповѣдей Его и несолищную награду вѣрнымъ исполнителямъ ихъ, говоря:

Кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей²⁵²⁾, и научитъ такъ человѣковъ; тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣи небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ²⁵³⁾; тотъ великимъ наречется въ царствѣи небесномъ²⁵⁴⁾.

Господь продолжаетъ развивать идею ненарушимости закона. Говоря: кто нарушитъ т. е. превратнымъ толкованіемъ отнѣмъ обязательную силу у одной изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, Господь имѣлъ въ виду заповѣди нравственнаго закона. Съ 21 ст. Онъ начинаетъ излагать тѣ ветхозавѣтныя заповѣи, которыя по-

248) Ουρανὸς καὶ γῆ Быт. 1, 1. означаетъ все вообще сотворенное.

249) Мар. 13, 31.

250) Лук. 16, 17. Мар. 13, 31.

251) Евр. 10, 1. Кол. 2, 17.

252) Τῶν ἐντολῶν τούτων τῶν ἐλάχιστωνъ опять указываетъ на ἴσα и κεραία

253) Изъ этихъ словъ преоев. Филаретъ выводитъ ту нравственную истину, что «какъ самъ Христосъ, по свидѣтельству евангелиста Луки (Дѣян. 1, 1), сперва началъ творить, потомъ же учить; такъ и ученикамъ своимъ и учителямъ всѣхъ послѣдующихъ временъ заповѣдуетъ здѣсь сперва самимъ исполнять заповѣди евангелія, а потомъ уже учить и другихъ» (стр. 90—91).

254) Мат. 5, 19.

читались фарисеями маловажными. Фарисеи, какъ извѣстно, раздѣляли заповѣди закона на два класса: большія и малыя. Первыя называли матерями, послѣднія — дѣтьми. Нарушеніе малыхъ они не считали грѣхомъ, хотя въ ряду ихъ поставляли заповѣди, относившіяся къ самой сущности закона: любви, милостынѣ, правосудію. Эти-то заповѣди, важныя сами по себѣ какъ и всѣ прочія, Господь называетъ малѣйшими, но только — по ложному понятію фарисеевъ. По мнѣнію западныхъ экзегетовъ *ὁς ἕαν οὖν λόγῃ μίαν τῶν ἐντολῶν τούτων τῶν ἑλαχίστων* «относится, впрочемъ, къ различію самаго Господа между закономъ вообще и его іотою и чертою ²⁵⁵⁾, или «къ тому, что *самъ Исусъ* обозначилъ какъ *ἰσῶτα* и *κεφαλαία*, — къ *дѣйствительно* малѣйшимъ, самымъ незначительнымъ предписаніямъ» ²⁵⁶⁾. Такъ. Но вѣдь подобное раздѣленіе не можетъ имѣть мѣста въ царствѣ Божіемъ. Смыслъ разсматриваемаго нами стиха такой: кто самъ нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей и другимъ внушитъ тоже, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣи небесномъ т. е. въ церкви Божіей на землѣ и долженъ быть отлученъ отъ нея, потому что съ такою ложною свободою онъ не можетъ быть внутреннимъ зерномъ жизни вѣрующихъ царства благодати, какъ такой человекъ, который ученіемъ своимъ развращаетъ другихъ. Но такъ какъ на землѣ живутъ, по волѣ Божіей, добрые и злые, для того чтобы первые усовершенались, а послѣдніе исправлялись при взаимномъ вліяніи другъ на друга; то рѣшительное отчужденіе ихъ будетъ состоять въ отчужденіи отъ царства славы; они будутъ меньшими. Выраженіе *μικτὸν* ²⁵⁷⁾, поставленное въ соотвѣтствіе съ выраженіемъ малыя заповѣди, не означаетъ, впрочемъ, того, что нарушитель останется въ царствѣ Божіемъ, занимая низшую степень блаженства. Господь имѣетъ въ виду праведность фарисеевъ. Но, по ст. 20, фарисейская праведность не можетъ сдѣлать человека участникомъ царства. Слѣд. нарушившій одну изъ малѣйшихъ заповѣдей и научившій другихъ дѣлать тоже малѣйшимъ наречется т. е. на всегда будетъ удаленъ отъ царства славы. «Когда ты слышишь слова: *меньшій* *въ царствѣи небесномъ*, говоритъ Златоустъ; то разумѣй подъ оными не иное что, какъ геенну, или мученіе. Поелику царствіемъ Онъ называетъ не только наслажденіе, но и время воскресенія и страшное второе при-

255) Ланге. Тамже. Стр. 69.

256) Мейеръ. Тамже. Стр. 153.

257) Ольсгаузенъ стр. 204, выраженія *μὲγας* и *ἐλαχίστος* означаютъ различныя ступени развитія христіанскаго принципа жизни, о которыхъ часто упоминается въ св. писаніи подъ именемъ дѣтей, юношей и мужей. 1 Иоан. 2, 13—14. 1 Петр. 2, 2. Еф. 4, 13. Кол. 2, 19.

шествіе. Ибо возможно ли, чтобы тотъ, кто назоветъ брата своего глупымъ и нарушитъ одну заповѣдь, былъ вверженъ въ геенну; а кто нарушитъ весь законъ и другихъ доведетъ до того, будетъ находиться въ царствіи? Не это разумѣется здѣсь, а то, что таковой въ то время будетъ меньшимъ т. е. отверженнымъ, послѣднимъ, а послѣдній безъ сомнѣнія вверженъ будетъ тогда въ геенну 258).

Поелику Господь выполнялъ ветхоз. порядокъ не въ томъ превратномъ смыслѣ, какой давали ему книжники и фарисеи и большинство іудеевъ, то отсюда произошло то, что изъ духа и существа ветхаго завѣта сталъ имъ раскрываться новый. Такъ, сказавъ, что Онъ пришелъ не нарушить, а исполнить законъ и пророковъ, Господь въ связи съ этимъ поставяетъ такую истину:

Сказываю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то не войдете въ царствіе небесное 259).

Книжниками назывались іудейскіе законовѣды, богословы, которые специально занимались толкованіемъ закона, объясненіемъ трудныхъ мѣстъ его, перепискою свящ. книгъ и пр. Иначе они назывались законниками, или учителями закона и пользовались особеннымъ уваженіемъ въ народѣ, потому что въ глазахъ послѣдняго они были образцемъ святости, благочестія. Многіе изъ нихъ засѣдали въ синѣдріонѣ. По своему характеру книжники близко подходили къ фарисеямъ. — Фарисеи — это были блюстители

258) Злат. тамже. Стр. 313. По Ольсгаузену стр. 204, ст. 19 имѣетъ специальное отношеніе къ ученикамъ, потому что въ ложной свободѣ они могли поколебать зданіе всей еократіи. — Дѣйствительно, ученики, какъ соль земли, свѣтъ міра, тѣмъ съ большею строгостію должны были выполняться сама, повидимому, незначительныя предписанія закона. Но, съ другой стороны, относить стихъ специально къ ученикамъ было бы, по нашему мнѣнію, значительною натяжкой. Не ссылаясь на Златоуста и др. — которые относятъ ст. 19 къ нарушителямъ закона вообще, мы считаемъ достаточнымъ замѣтить, что противъ мнѣнія Ольсгаузена говоритъ самая форма, именно: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Господь обращаетъ рѣчь собственно къ ученикамъ, Онъ употребляетъ обыкновенномѣстоименіе втораго лица: блаженны *вы*, когда будутъ поносить *васъ*... злословить *васъ*... велика *вамъ* награда... гнали пророковъ прежде *васъ*... *вы* соль земли... *вы* свѣтъ міра... да свѣтитъ свѣтъ *вашъ*. Въ ст. 19, Онъ употребляетъ относительное мѣстоимѣніе: *кто* нарушилъ, не указывающее на опредѣленные лица, или на опредѣленный кругъ слушателей. Это т. е. всякій, кто бы онъ ни былъ, безусловно.

259) Мат. 5, 20.

буквы закона и традицій.—Праведность тѣхъ и другихъ была ложная, мнимая, кажущаяся. Все вниманіе ихъ обращено было на одну наружность. Истинная праведность имѣтъ свое основаніе въ вѣрѣ во Христа. Книжники и фарисеи извратили понятіе о Мессіи; отсюда и праведность ихъ не имѣла характера истинной праведности. Не разумѣя праведности Божіей, они успивались поставить собственную праведность ²⁶⁰). Поэтому праведность ихъ была наружная, лицемѣрная, подъ легкимъ покровомъ которой скрывались гнусные пороки и низкія страсти ²⁶¹). Они раздавали милостыню, соблюдали посты, молились... Но все это основывалось на вѣншемъ исполненіи закона, которымъ они думали оправдаться предъ Богомъ. Проникать въ духовныя требованія закона—это было не ихъ дѣло. Они благотворили ближнимъ и въ тоже время питали въ душѣ злобу, ревность, ненависть. Такъ обр. въ сердцѣ они не имѣли искренняго расположенія къ добру; поэтому и исполненіе закона имѣло превратную цѣль. Главною цѣлью человѣческой дѣятельности должно быть слава Божія; въ основѣ фарисейской дѣятельности лежало тщеславіе. Определеннымъ побужденіемъ къ исполненію дѣлъ закона они поставляли приобрѣтеніе чести улюдей ²⁶²), и чрезъ это восхищали славу, подобающую одному Богу. Не такова должна быть праведность учениковъ Христовыхъ. Она должна основываться на непоколебимой вѣрѣ въ І. Христа и искренней, неподдѣльной любви къ Богу и ближнимъ. Она должна быть выше, чище праведности ветхозавѣтной, словомъ—должна превзойти праведность книжниковъ и фарисеевъ, чтобы ученики Христовы могли войти въ царство небесное.

(Продолженіе будетъ).

Оригенъ противъ Целеса.

(Продолженіе).

Открытое явленіе Христа послѣ воскресенія могло бы имѣть такія же слѣдствія, какія испытали Содомляне отъ явленія имъ Ангеловъ. Вотъ основаніе, почему Христосъ не всѣмъ являлся. Онъ былъ посланъ не только являться, но также и скрываться отъ взоръ невѣждъ. Онъ и тѣмъ, которые знали Его, открывалъ Себя Самаго не совершенно: нѣчто еще удалялось отъ нихъ. Да

260) Рим. 10, 3.

261) Чит. Мат. гл. 23.

262) Мат. 6, 2.

оставшихъ Онъ остался совершенно неизвѣстнымъ. Онъ открылъ врата свѣта только тѣмъ, которые будучи дѣтми мрака, стремились сдѣлаться дѣтми свѣта. Не случайно и не безъ различія Онъ являлся всѣмъ, или скрывался отъ ихъ взора. «Небесный голосъ, который взываетъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, по Св. писанію, народъ не слышалъ. Только тѣ Его могли слышать, которые восходили съ Нимъ на гору преображенія. Въ самомъ дѣлѣ эти Божественные звуки не потрясаютъ воздуха и не условливаются какою нибудь естественною причиною. Они слышатся только тѣмъ, которые имѣютъ слухъ гораздо высшій, чѣмъ тѣлесный—слухъ души (II, 676—678). Такимъ образомъ, чтобы слышать и видѣть Божественное, нужно имѣть, по Оригену, духовныя чувства, владѣть духовною воспріимлемостію. По этому воскресшій Христосъ не видимъ былъ всѣмъ и не слышимъ. Онъ являлся только своимъ друзьямъ. Эти—то друзья Спасителя,—Его непосредственные ученики, и засвидѣтельствовали объ этомъ событіи. Ихъ свидѣтельство тѣмъ достовѣрнѣе, что оно запечатлѣно было ихъ страданіемъ. Съ геройскимъ и самоотверженнымъ духомъ они возвѣстили во всеуслышаніе всего міра объ этомъ величайшемъ событіи,—презрѣли всѣ опасности и на всякую скорбь смотрѣли, какъ на шутку. И когда бъ воскресеніе Христа было баснословнымъ вымысломъ съ ихъ стороны, то ихъ слово не имѣло бы такой силы: между тѣмъ какъ они не только убѣждали своихъ слушателей умирать за истину, но и сами мужественно шли на встрѣчу смерти. Они этимъ показываютъ, что они имѣли вѣчную жизнь предъ глазами и ни во что ставили всѣ страданія и скорби настоящей жизни (II, 678—679).

Когда дѣйствительность воскресенія такимъ образомъ доказана, нельзя уже болѣе говорить о Христѣ, какъ обманщикѣ, ложномъ Мессіи, вообразившемъ Себя истиннымъ Мессіею и Сыномъ Божиимъ. Нельзя также упрекать Его и за уничтоженіе. Если Іудеи не признаютъ Его такимъ (Сыномъ Божиимъ), то это произошло отъ того, что они имѣли глаза для того, чтобы только не видѣть, и уши для того, чтобы не слышать. При духовномъ ослѣпленіи имъ не возможно было возвыситься до разумнія Божественнаго и до прозрѣнія этого Божественнаго въ Сынѣ Маріи, ни узнать всѣхъ сокровищъ Его Божества, скрытаго подъ покровомъ бѣдности и уничтоженія. Это невѣріе такимъ образомъ есть грѣхъ и приписывается злымъ склонностямъ сердца. Апологетъ отъ спокойнаго тона полемики переходитъ къ сильнымъ порывамъ благороднаго негодованія. Онъ замѣчаетъ: имъ т. е. Іудеямъ, нуженъ страшный и сожигающій, какъ молнія огонь, чтобы освѣтить ихъ

невѣріе. Ибо пока Іудея, подобно Савлу изъ Тарса, не осѣнитъ свѣтъ, отъ него нечего надѣяться. Оригенъ обратился къ сильному тону, чтобы уврачевать Іудейское высокоуміе. По примѣру Стефана въ его рѣчи къ верховному совѣту, приводится въ связь настоящее невѣріе Іудеевъ съ ихъ прежнимъ. Они всегда упорны, въ возмущеніи закоренѣлый народъ! До сего дня они сострадательно смѣются, когда говорятъ имъ о Богѣ, Который пришелъ, чтобы жить между нами. Не тотъ же ли самый Богъ присутствовалъ нѣкогда между Евреями, когда съ распростертою дланію и сильными чудесами велъ ихъ изъ Египта, когда Онъ раздѣлялъ воды чермнаго моря, чтобы пройти имъ сухими ногами, когда онъ велъ ихъ свѣтлымъ облакомъ? — И однакожь тѣ, которые это видѣли, не вѣровали; иначе они при^н подножіи святой горы не сдѣлали бы кумира (II, 678—679). Это всё одинъ и тотъ же родъ. Сколько чудесъ, сколько великихъ знаменій они видѣли въ пустынѣ? И — однакожь остались не вѣрными. И теперь ни чудесное явленіе Спасителя, ни Его могущественныя дѣла, ни Его въ виду цѣлаго народа совершенныя чудеса не могутъ привести ихъ къ вѣрѣ въ Него. Ихъ настоящее невѣріе напоминаетъ о ихъ прежнемъ невѣрїи, о которомъ говорятъ хъ же собственныя книги. Какія чудеса вы находите Божиими: тѣ ли, которыя въ Египтѣ и въ пустынѣ совершены были, или чудеса Христа? Если вы тѣмъ даете преимущество, то не понятно — почему народъ, упорствующій при великихъ чудесахъ, также упорствуетъ и при меньшихъ. Если вы считаете ихъ равными, то не понятно, почему народъ оказался не вѣрующимъ въ тѣ чудеса, которыя составляютъ основаніе первой и второй книги. Этимъ отверженіемъ І. Христа вы свидѣтельствуете сами противъ себя, и вы оказываетесь достойными сынами тѣхъ, которые въ пустынѣ противились яснымъ откровеніямъ Божіей силы (II, 679). Невѣріе Іудеевъ болѣе достойно наказанія, чѣмъ невѣріе язычниковъ. Слѣдовательно нельзя удивляться, что и ихъ наказаніе превосходитъ наказаніе проконсула, который по ихъ настоятельной просьбѣ осудилъ Христа. Пилать, по мнѣнію противниковъ, долженъ бы быть въ куски разорванъ, подобно Пенгею, еслибы Христосъ дѣйствительно былъ Богъ. Но истинный Пенгей — не римскій судія, — это народъ, который умертвилъ Христа и который за это потерпѣлъ наказаніе сграшнѣйшее и болѣе продолжительное, чѣмъ то, которымъ, по баснѣ, врагъ Вахуса былъ наказанъ (II, 668). Невѣріе Іудеевъ навлекло на нихъ величайшее несчастіе. Время ихъ наказанія не замедлило; оно уже наступило. Какой народъ былъ изгнанъ изъ своего столичнаго города, изъ своего отечества, въ которомъ онъ имѣлъ свой національный культъ. Причина такой катастрофы, безъ сомнѣнія, есть ихъ преступленіе противъ І. Христа (II, 660). Но ихъ отверженіе было поводомъ къ большому

благословенію; оно уничтожило средостѣіе между истинной и чловѣчествомъ и радостная вѣсть о спасеніи распространилась по всей землѣ (II, 680). Для этой цѣли уснокоепный міръ и былъ соединенъ подъ законами Римскаго императора; ибо множество государствъ и властей препятствовали бы распространенію ученія Христа во всемъ мірѣ (II, 667).

Если такъ незаконно и безсовѣстно обошелся Цельсъ съ лицомъ Божеств. Основателя христіанства, если онъ всеѣмъ событіямъ Евангельскимъ далъ превратное истолкованіе и набросилъ густую тѣнь на Божественный образъ и нравственное величіе истиннаго Мессіи Христа, — спрашивается, чего же можно ждать отъ Цельса по отношенію къ ученію Спасителя? Отъ печестнаго и не добросовѣстнаго его анализа оно точно также извращается и искажается, какъ и историческое лице Мессіи. Цельсъ по необходимости, — чтобы только остаться послѣдовательнымъ себѣ самому, долженъ былъ во чтобы ни стало унизить и осмѣять новую религію въ ея оригинальномъ и совершеннѣйшемъ ученіи. Если однажды онъ призналъ Христа обманщикомъ и ложнымъ Мессіею, то, конечно, онъ долженъ идти далѣе по этому пути и распространить свой взглядъ и на ученіе Его, какъ прямое и естественное выраженіе лѣпности и обмана. И дѣйствительно въ Божественномъ ученіи Христа Спасителя онъ не видалъ ничего такого, чтобы какъ новое и оригинальное отличало его отъ другихъ религій и другихъ ученій. Несомостоятельность и лѣпность — характерныя выраженія для обозначенія всякаго ученія обманщиковъ и шарлатановъ, — характерны по Цельсу и для означенія ученія религіи Христа. Желая подрвать самостоятельность, Цельсъ — обыкновенно сближаетъ нѣкоторые догматы Христіанскіе съ ученіемъ Платона и языческой религіею, и при этомъ говоритъ, что эти догматы являются какъ бы жалкой пародіей на ученіе философіи и религіи. По мнѣнію Цельса, ученіе о Логосѣ заимствовано христіанами изъ Платона — постоянный и всеми язычниками приводимый упрекъ христіанству. Догматъ Іудео-христіанскій о жизни загробной въ другомъ мірѣ, лучшемъ земнаго, заимствованъ изъ сказаній греческой поэмы о поляхъ Елисейскихъ и преимущественно у Платона въ его Федонѣ, гдѣ онъ рассказываетъ о блаженной странѣ на чистомъ небѣ, куда переходятъ души по смерти людей (VII, 778). Соглашаясь съ вѣрою и ученіемъ Іудеевъ въ будущее мздовозданіе, Цельсъ говоритъ, что тоже самое содержится и въ мистеріяхъ языческихъ; чувствуя себя здѣсь какъ бы болѣе состоятельнымъ, онъ въ этотъ разъ принимаетъ даже ласковый тонъ: «какъ ты, добрый чловѣкъ, вѣруешь въ вѣчныя мученія, такъ точно тому же самому вѣрують толкователи нашихъ святихъ начальники — ми-

стерій, посвящающіе въ тайны тѣхъ, которые приступаютъ къ нимъ (VIII, 802). Особенно въ отношеніи къ нравственному учению Цельсъ старается доказать, что оно — заимствованіе, и такимъ образомъ силится отнять у Евангелія честь очищенія и обновленія. Ученіе о добродѣтели, по Цельсу, заимствовано изъ одного не вѣрно понятаго мѣста Платонова о законахъ. Тамъ оно такъ приводится: и Богъ содержащій въ своей власти начало, конецъ и средину всѣхъ вещей, совершаетъ въ природѣ то, что справедливо (*quae ratasunt*); ему всегда сопутствуетъ правда, наказывающая тѣхъ, которые нарушаютъ законъ Божественный. Блаженъ будетъ тотъ, кто съ смиреніемъ и кротостію пойдетъ въ сады этой правды (VI, 752). Приписанный Христу строгій приговоръ о богатыхъ гораздо ранѣ Христа былъ извѣстенъ въ сочиненіяхъ того же философа, который объясняетъ: особенно богатый еще не можетъ быть особенно добрымъ. Кто блистаетъ своимъ богатствомъ, не можетъ блистать добродѣтелью. Указанныя мѣста Христосъ будто бы только перетолковалъ. Ученіе или заповѣдь о прщениіи обиль, такъ грубо выраженная Христомъ, тоже уже давно высказана была Платономъ въ болѣе благородной и возвышенной формѣ. Цельсъ приводитъ много и другихъ мѣстъ діалога Платона, чтобы изобличить Евангеліе въ заимствованіи (VI, 752). Вообще, по нему, нѣтъ ничего въ христіанствѣ, чего не было бы въ языческой философіи и въ языческой религіи.

Съ такою строгостію Цельсъ отнесся къ тому ученію Христову, которое имѣетъ нѣкоторую аналогію съ философіею и религіею языческой древности, — что же онъ потомъ скажетъ о тѣхъ догматахъ христіанства, которые составляютъ исключительную принадлежность христіанства и которые съ буйствомъ креста находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи? Цельсъ съ особеннымъ раздраженіемъ нападаетъ на эти догматы и преимущественно концентрируетъ свои нападенія на основной догматъ христіанства, на ученіе о искупленіи; онъ дѣлаетъ два возраженія противъ него, которыя кажутся ему рѣшительными. Онъ обвиняетъ ученіе Христа за то, что оно съ одной стороны унижаетъ понятіе о Богѣ, когда учитъ о воплощеніи Бога слова, съ другой оно чрезмѣрно возвышаетъ человѣческую природу, когда учитъ насъ вѣровать, что І. Христосъ Сынъ Божій, для земнаго червя, каковъ есть человѣкъ по отношенію къ Богу, — оставивъ свой Божественный престолъ, — снизшелъ на землю и здѣсь потерпѣлъ мученія и смерть. Но такъ какъ ученіе о спасеніи тѣсно связано съ ученіемъ о твореніи человѣка — свободнаго и духовно тѣлеснаго существа и съ ученіемъ о паденіи его, — ученіемъ тоже по Цельсу унижающимъ Божество своимъ антропоморфизмомъ, то Цельсъ

прежде всего и вооружается противъ этихъ догматовъ. Держась въ этомъ случаѣ совершенно платоническаго дуализма, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы высочайшій Богъ, абсолютное начало, имѣлъ какое нибудь соприкосновеніе съ міромъ матеріи, а тѣмъ болѣе не могъ допустить, чтобы онъ сотворилъ духовно-тѣлесное существо. Дуалисты обыкновенно разсѣкали человѣка на двѣ половины и, тогда какъ душу считали твореніемъ Бога, — образованіе тѣла относили къ посредствующимъ существамъ — демонамъ и вмѣстѣ съ ними допускали прирожденность зла въ мірѣ. Богъ, говоритъ Цельсъ по Платону, не сотворилъ ничего смертнаго, но только произвелъ безсмертное; смерть дѣло другаго творенія. Душа—твореніе Божіе; тѣло происходитъ отъ другаго творца, оно даже не отличается отъ червя или лягушки; оно образовано изъ той же самой матеріи и носитъ въ себѣ тоже самое начало тѣлеснаго (IV, 717 719). Допустивъ такимъ образомъ начало зла въ самомъ существѣ матеріи, Цельсъ совершенно опровергаетъ понятіе нравственнаго зла и паденія. Къ этому заключенію онъ приходитъ логикою своей дуалистической системы. Въ самомъ дѣлѣ, если зло заключается въ матеріи, а не въ свободѣ, — если нѣтъ и самой свободы, то нѣтъ никакой отвѣтственности и никакой возможности вины или преступленія. Какъ скоро утверждаютъ, что зло происходитъ изъ естественнаго свойства существа, оно ему не можетъ уже больше вѣнчаться въ вину. Можно идти далѣе, стоя на этой дуалистической точкѣ зрѣнія и признать, что неизбежное зло въ существѣ дѣла не есть какое либо зло, но зло, такъ сказать, относительное, зло по видимому, и что оно способствуетъ гармоніи, симметріи и красотѣ цѣлаго. Такова дѣйствительно идея Цельса въ своемъ развитіи этого взгляда. Не смотря на счастливую непоследовательность, въ чемъ признаютъ вдохновеніе глубокаго нравственнаго чувства, платонизмъ одинъ въ концѣ концовъ пришелъ къ метафизическому оптимизму — особенно въ послѣднемъ своемъ развитіи въ эпоху своего величія. Когда благо есть духовность и единство, то все тѣлесное и индивидуальное неразрывно со зломъ. Однакожъ это необходимо чтобы существовать тѣлеснымъ и индивидуальнымъ существамъ. Отсюда слѣдуетъ, что зло у нихъ способствуетъ къ благу цѣлаго. Въ этомъ пунктѣ христіанство радикально было противоположно антической философіи. Это ясно выходитъ изъ слѣдующихъ мѣстъ объясненія Цельса: «одно всегда, говоритъ онъ, рожденіе зла, потому что одна и та же всегда природа міра. Ни прежде, ни теперь, ни послѣ зло не дѣлается большимъ или меньшимъ (IV, 719). Этотъ міръ—твореніе Божіе есть совершенное цѣлое; его части не существуютъ сами для себя, но они принадлежатъ цѣлому; каждое существо имѣетъ свое мѣсто, которое ему указано. Такимъ

образомъ зло не имѣетъ своей реальности; оно исчезаетъ въ общей гармоніи. Первое слѣдствіе такого воззрѣнія есть то, что не можетъ быть и рѣчи о паденіи и о грѣхѣ, и что Богъ столь же мало имѣетъ права гнѣваться на людей, какъ и на обезьянъ и другихъ какихъ либо животныхъ (IV, 730). Второе, что нѣтъ и свободнаго произволенія Божія, зло произвела матерія, которая есть необходимомое начало.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЕ.

Одинъ простой рабочій въ южной Австраліи предлагаетъ слѣдующее средство противъ *сифтерита* (жабы). Взрослымъ больнымъ онъ совѣтуетъ принимать четыре капли крѣпкой сѣрной кислоты, разведенныя въ стаканѣ воды, наполненномъ на три четверти; дѣтямъ же слѣдуетъ давать меньшую дозу. Лѣкарство это оказываетъ мгновенное дѣйствіе, такъ какъ сѣрная кислота убиваетъ паразитовъ, и больной откашливаетъ отдѣляющіяся части организма, мѣшавшія ему дышать. Дѣти уже *находящіяся въ агоніи*, по принятіи этого средства, быстро поправляются.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Т Е З И С Ы

къ сочиненію:

БРИТКО—ВЕГЕТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О КНИГѢ ЕККЛЕЗИАСТЬ.

1) Иудейское преданіе о происхожденіи книги Екклезіастъ отъ израильскаго царя Соломона не имѣетъ достаточныхъ основаній, а, напротивъ, многое имѣетъ противъ себя. Оно утверждается на томъ явленіи, что въ написаніи книги послѣдняя приписывается «сыну Давлда, царю во Іерусалимѣ», и въ срединѣ книги Екклезіастъ изображается чертами, взятыми изъ жизни Соломона. Но это явленіе должно быть объяснено изъ другихъ основаній.

2) По самой вѣроятной гипотезѣ, книга Екклезіастъ написана послѣ плѣна, во времена дѣятельности среди возвратившагося изъ плѣна вавилонскаго народа израильскаго Нееміи и пр. Малахіи (450 - 400 г. до Р. Хр.). Относитъ написаніе книги къ болѣе позднему времени, по примѣру большей части западныхъ критиковъ, нѣтъ достаточныхъ основаній.

3) Имя автора неизвѣстно; но надобно полагать, что онъ принадлежитъ къ сословию благочестивыхъ просвѣщенныхъ мужей, извѣстныхъ на востокѣ подъ именемъ haschim.

4) Рѣчь свою авторъ книги Екклезіастъ влагаетъ въ уста израильскаго царя Соломона, который представляется здѣсь народнымъ учителемъ (sohelet). Обращаясь съ рѣчью къ народу отъ лица мудрѣйшаго царя Соломона, онъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обычаю позднѣйшаго времени—для приданія большей силы и вліянія своей рѣчи высказывать ее подъ авторитетомъ великаго и славнаго имени древности. По этой именно причинѣ въ его книгѣ можно встрѣчать мѣста, въ которыхъ обнаруживается фиктивное введеніе въ эту книгу говорящаго царя Соломона.

5) Первая и ближайшая цѣль, какую имѣлъ въ виду авторъ при написаніи своей книги, практическая,—утѣшеніе и увѣщаніе страждущаго народа израильскаго. Вторая и дальнѣйшая цѣль—теоретическая,—авторъ хотѣлъ расширить и возвысить понятіе израиля о самомъ себѣ и своей судьбѣ, хотѣлъ возвести на высшую ступень ясности и убѣжденія почти забытый членъ ветхозавѣтной догматики о загробной участи человѣка.

6) Въ содержаніи книги Екклезіастъ нѣтъ ничего такого, на основаніи чего можно было бы оспаривать чисто этическій и подлинно религіозный характеръ книги. Для сужденія о различныхъ, по видимому, противорѣчащимъ между собою мѣстахъ книги и по временамъ отличающихся кажущимся противохристіанскимъ и анти-моральнымъ характеромъ (фатализмъ, скептицизмъ, эпикуреизмъ), надобно имѣть въ виду различныя точки зрѣнія, съ которыхъ, въ разныхъ мѣстахъ книги, авторъ разсматриваетъ міръ и человѣка,—надобно усматривать, говорить ли онъ на основаніи чисто внѣшняго опыта, или подъ вліяніемъ идей личнаго Бога, Творца человѣка и блюстителя нравственнаго міропорядка.

7) Книга Екклезіастъ представляетъ довольно связанное гармоническое развитіе основной идеи, прогрессивное движеніе мыслей въ риторико-поэтической формѣ.

О ВНОВЬ ВЫШЕДШЕЙ ВЪ СВѢТЪ КНИГЪ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу книга подъ названіемъ „Опытъ церковнаго собесѣдованія приспособленный къ упрощенному пониманію для слушателей всѣхъ сословій“, составленный свящ. Д. Адамовымъ.

Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкою — 1 р. 40 к. Склады кни- ги находится въ слѣд. магазинахъ: въ С.-Петербургѣ у Кораб- лева и Сярякова, въ Москвѣ — у Ферапонтова, въ Воронежѣ — въ монастырскихъ лавкахъ у Аносова и Семейова, въ Остро- гожскѣ — у Аносова и у Автора свящ. Д. Адамова.

Пожертванія въ Вор. Епарх. жен. Училище.

Отъ Почетнаго Блюстителя Училища прислано воспитан- ницамъ на праздникъ Св. Троицы: голова сахару, 2 фун. чаю, ящикъ апельсиновъ и другія различныя лакомства. Отъ столо- начальника Духовной Консисторіи В. В. Андреевскаго, присла- но съ его дочерью сиротамъ 1 р., Богуч. у., сл. Бондаревой, отъ Свящ. Вис. Прокопьева дано воспитанницамъ 3 р.

ПОПРАВКИ:

Въ настоящемъ 11-мъ № Вор. Епарх. Вѣдомостей отъ недосмотра ти- пографа вкравлись слѣд. ошибки:

Стр. 448. 4 стр. снизу вм. высокочтинному слѣд. высокочтинному.

Стр. 449. въ срединѣ — вм. начальство семинаріи слѣд. правленіе семи- наріи.

Стр. 450. 8 стр. снизу вм. остатки слѣд. останки.

ВЪ ПРИВАВЛЕНІЯХЪ:

Стр. 270. стр. 3 сверху вм. изумѣваемъ слѣд. изумляемся.

Редакторы: { Прот. Ѳ. Никоновъ.
 { Свящ. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ.
Мая 31-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.